

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *АДСКИЙ*)

© Лилия Килина, Елена Колосова

RELIGIOUS VOCABULARY AND THE FEATURES OF ITS USAGE IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON THE ADJECTIVE *АДСКИЙ* (*HELLISH*))

Liliya Kilina, Elena Kolosova

The current article analyzes the sacred vocabulary functioning in the Russian language. Based on the lexical-graphical sources and the Russian National Corpus, we examine the history of the adjective *adskii* (hellish), which demonstrates typical ways of religious vocabulary desacralization and the juxtaposition of the conceptual meanings of *sacred* and *profane*. The diachronic method of research allowed us to trace back the mentioned adjective's history; the descriptive method, with reference to the written sources first and foremost, helped with the description of this lexeme's function specifics in different periods of the Russian language development. We used the materials of explanatory dictionaries of different eras to establish the chronological borders of the word's semantic changes, such as the "Materials for a Dictionary of Ancient Russian" by Izmail Sreznevsky, the "Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th" edited by Stepan Barhudarov, the "Dictionary of the Russian Language of the 18th century" and the data from the "Dictionary of Russian Idioms" by Galina Kustova created on the basis of the Russian National Corpus. The most important stages for the desacralization of the adjective *adskii* are its usage in an uncharacteristic context, as well as the changes in its semantics caused by the similar changes in the semantics of the noun it was derived from. As a result of our research, we have come to the conclusion that the adjective *adskii* in the modern Russian language serves a pragmatic function of the evaluative intensifier, while saving its figurativeness and negative connotation.

Keywords: Russian language, sacred vocabulary, adjective, semantic, desacralization

Статья посвящена анализу функционирования в русском языке сакральной лексики. С опорой на лексикографические источники и материалы Национального корпуса русского языка рассмотрена история прилагательного *адский*, которая демонстрирует типичные пути десакрализации религиозной лексики, противопоставление концептуальных понятий *сакральное* и *профанное*. Диакронический метод исследования позволил авторам статьи проследить историю трансформации значений у данного прилагательного, описательный метод помог описать специфику функционирования этой лексемы в разные периоды развития русского языка, в первую очередь с опорой на случаи употребления лексемы в письменных источниках. Авторы статьи использовали материалы толковых словарей разных эпох, чтобы установить хронологические рамки изменения семантики слова, прежде всего это «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, «Словарь русского языка XI–XVII вв.» под редакцией С. Г. Бархударова, «Словарь русского языка XVIII века» и данные «Словаря русской идиоматики» Г. И. Кустовой, созданный на основе Национального корпуса русского языка, включающий слова со значением высокой степени. Было установлено, что противопоставление религиозного и светского значений является ключевым для языкового сознания русских, процесс десакрализации религиозной лексики имеет несколько направлений, но каждая лексема проходит свой путь трансформации значений. Так, для прилагательного *адский* важными этапами на пути десакрализации являются использование слова в нехарактерном для него контексте, а также изменения семантики самой единицы, обусловленные аналогичными изменениями в семантике производящего существительного. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что в современном русском языке прилагательное *адский* выполняет прагматическую функцию оценочного интенсификатора, при этом сохраняет образность и имеет негативную коннотацию.

Ключевые слова: русский язык, сакральная лексика, прилагательное, семантика, десакрализация

Для цитирования: Килина Л., Колосова Е. Религиозная лексика и особенности ее употребления в русском языке (на примере прилагательного *адский*) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 53–60. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-53-60

Интерес языковедов к религиозной лексике вызван несколькими причинами, в частности тем, что язык и религия, являясь двумя формами общественного сознания, тесно связаны между собой. Кроме того, изучая слова и выражения с религиозным значением, мы имеем возможность определить основные языковые тенденции, а также влияние экстралингвистических факторов на развитие языка в разные исторические эпохи. Сказанным обусловлена актуальность проведенного авторами статьи исследования истории отдельно взятой лексемы как свидетельство происходящих в языке процессов трансформации семантики слова.

Многие исследователи отмечают, что основой русской языковой и концептуальной картины мира является противостояние языческой и христианской культур, что в дальнейшем приводит к оппозиции «конкретного и абстрактного значения слов» [1, с. 1]. Ряд ученых приходит к выводу, что противопоставление конкретного и абстрактного отражения действительности в языковом сознании русских людей привело к «синкретизму семантики религиозных лексем» [Там же] и, в конечном счете, способствовало развитию у слова противоположных коннотативных значений (см. раб. Т. В. Кузьминой, О. А. Добычиной, В. В. Сайгина).

Функционирование религиозной лексики в русском языке напрямую зависит от тех процессов, которые происходили и происходят в российском обществе, например, с формированием светской культуры в эпоху Петра I, что отразилось «на литературном языке и языковых стилях» [2, с. 239]. Самые очевидные изменения произошли в эпоху советской власти, когда слова с религиозным значением табуировались, в результате чего они в итоге сместились на языковую периферию. Исследователи этого периода языкового развития обращают внимание на практически полное вытеснение значительного пласта религиозной лексики из общенародного языка во времена СССР (см. раб.: О. А. Добычиной, Го Сюеяо и др.). Актуализация сакральной лексики, по наблюдениям этих ученых, а также её возврат в активную часть словарного запаса начинается с конца XX в. [3, с. 12].

Исследование религиозной лексики может осуществляться на различных языковых уровнях, при этом в большинстве научных работ предметом изучения становится именно семантика ре-

лигиозных единиц, часто подвергающихся десакрализации, под которой обычно понимают процесс нивелирования религиозных компонентов значения в семантической структуре языковой единицы. Поскольку десакрализация – это не результат, а процесс, мы можем рассматривать данное явление как в синхронии, так и в диахронии. Диахронический анализ позволяет выявить некоторые способы десакрализации, причем граница между способом десакрализации и её причиной, а иногда и признаком, в некоторых случаях не столь явная.

В данной статье мы обращаемся к истории прилагательного *адский* и рассматриваем особенности функционирования этой лексемы в разные периоды развития русского языка, привлекаем материалы лексикографических источников, а также контекстные примеры и статистику употребления, используя Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

Обратимся к материалам исторических словарей. Существительное *ад* является заимствованием из греческого и связано с именем бога преисподней Аида [4, т. 1, с. 28]. Это слово употреблялось в старославянских текстах, как и прилагательное *адьскъ*, которое приведено в «Старославянском словаре», здесь же указаны прилагательные *адовъ*, *адовьнь*, *адовьскъ* [5, с. 66–67]. В словаре И. И. Срезневского [6, с. 7] и «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [7, с. 21] приведены те же прилагательные *адовъ* (*адъвъ*), *адовнии* (*адовный*), *адьскыи* (*адский*). Однако во всех указанных лексикографических источниках прилагательные, образованные от существительного *ад*, объясняются через него же. Другой важный момент: из всех возможных ранее производных прилагательных в русском языке сейчас активно употребляется только *адский*, тогда как *адовый*=*адский* – «чрезвычайный, чрезмерный» (*скука адовая*, *муки адовые*) является разговорным [8].

Наиболее подробное толкование прилагательного *адский* находим только в «Словаре русского языка XVIII в.»: «относящийся к аду (1); свойственный ему // из ада исходящий, адом вдохновленный» (пропасть, недра, дно, челюсти, уста; силы, духи, чудовища; боги, богини), перен. «такой как в аду (1), как из ада; злобный, коварный» (замысел, план, выдумка, дело и т. п.), «доставляющий мучения, мучительный, мучительский», «огромной силы, величины, страш-

ный, ужасный» [9]. Внутри словарной статьи приведены выражения *адский князь, правитель* – «сатана» и *адский пес, собака* – «цербер», отдельно указаны *адские врата* и *адский камень*:

«Адские врата [зѣвъ, гортань, пропасть]. Церк.-слав., Ритор. То же, что врата ада. См. Ад. Султан ... из гортани Адския, и от врат смерти возвращен, и уздравлен бысть. Кн. Сист. 963. Адской камень (ср. лат. *lapidus infernalis*). Хим. Ляпис. Крм. ДВ XII 162» [Там же].

В современных словарях лексема *адский* представлена как прилагательное к существительному *ад*, кроме того, приведены значения «такой, как в аду; ужасный, отвратительный» (дорога), «злобный, коварный» (замысел), разговорное «чрезвычайный, чрезмерный» (холод, боль, терпение) [8]. Как видим, значения прилагательного фактически не изменились, очевидно, процесс десакрализации этой единицы начался в русском языке достаточно давно, по крайней мере в текстах XVIII века мы уже наблюдаем такие изменения:

Не знаю какой адской лазутчикъ донесъ моей женѣ о новомъ моемъ союзѣ, ревность ея въ лютейшую переменялась злостью. (Ф. А. Эмин. *Непостоянная fortuna или похождение Мирамонда. Ч.2 (1763)*) (здесь и далее разрядка наша – И. К., Е. К.) [10].

В этом примере прилагательное, судя по всему, употребляется в значении «злобный, коварный», ср. также:

Но оставляя жизнь, жалѣю только о тебѣ; отпусти мнѣ преступленіе того снисхожденія, которое показъ я сей адской злобѣ. (Н. Ознобишин (перевод). *Нещастной французъ, или жизнь кавалера Беликурта, описанная имъ самимъ (1764)*) [Там же].

Десакрализация прилагательного *адский* напрямую связана с тем, что в русском языке с течением времени произошло переосмысление религиозного понятия *ад*, которое в «Большом толковом словаре русского языка» (БТС) представлено следующим образом:

«1. По религиозным представлениям: место, куда попадают души умерших грешников, обречённых на вечных муки (в отличие от рая, находящегося на небесах, ад расположен под землёй). Попасть в ад. Грозить адом. *Благими намерениями дорога в ад вымощена (Посл.). 2. Обстановка, условия, пребывание в которых мучительно, невыносимо. Ад сражения. Не жизнь, а сплошной ад у кого-л. Кромешный ад (о невыносимо тягостных условиях). 3. О нравственных страданиях, душевных муках,

испытываемых кем-л. Носить в себе ад. Испытывать муки ада» [8].

Для современного русского человека актуальными являются именно последние два значения, развитие которых и повлекло за собой изменение смысловой структуры производных слов.

В БТС указаны фразеологизмы, которые, по сути, являются терминами: *адский камень* (лат. *lapis infernalis*) – «старое название азотнокислого серебра, ляписа, которое используется в медицине как противовоспалительное средство», *адская машина* (уст.) – «снаряд, снабжённый взрывателем, регулируемым часовым механизмом» [8]. Появление терминов, в составе которых есть прилагательное *адский*, свидетельствует о процессе десакрализации этой лексемы, у нее нет здесь ни смысловой нагрузки, ни яркой оценочной характеристики: «Осуществляя процесс специализации, прилагательные несут основную смысловую нагрузку, уточняют понятие, создают словосочетание видового характера, выполняют классифицирующую функцию» [11, с. 44]. Следует обратить внимание и на тот факт, что сочетание *адский камень* зафиксировано уже в «Словаре русского языка XVIII в.» (см. выше).

Прилагательное *адский* активно используется в современном русском языке, так, в основном корпусе НКРЯ (здесь и далее статистика приводится по данным на 04.07.2024) в 454 текстах XX в. представлено 692 примера употребления этого слова, наибольшее количество вхождений приходится на художественные и публицистические тексты (51,88% и 40,9% соответственно), для сравнения прилагательное *адовый* в этой же выборке встречается в 55 примерах и 45 текстах [10].

Сегодня у лингвистов есть возможность использовать «Словарь русской идиоматики», созданный на основе НКРЯ, в котором содержатся «сведения о словах со значением высокой степени и их сочетаемости» [12]. Обратим внимание, что создатель этого словаря Г. И. Кустова идиоматику понимает в широком смысле, как «сочетания и языковые выражения, которые носитель языка не конструирует по правилам семантической и грамматической сочетаемости, а запоминает и использует в готовом виде» [Там же]. В данном источнике есть только прилагательное *адский*, которое, как и другие приведенные здесь единицы, относится к словам «со значением высокой степени», то есть является интенсификатором. М. В. Сандакова под лексическими интенсификаторами понимает «класс слов и устойчивых сочетаний, выражающих значение величины, количества или степени» [13, с. 329]. Иссле-

дователь отмечает, что интенсификаторами в основном являются прилагательные и наречия и что целью их употребления может быть не только выражение градации явления, но и выделение этого явления среди прочих [14, с. 204]. Н. Д. Арутюнова по этому поводу пишет: «Там, где говорящий передает свои впечатления, такие понятия, как мера и измерение теряют свой точный смысл...» [15, с. 248].

В зависимости от характера выражения оценки М. В. Сандакова выделяет три группы интенсификаторов: безоценочные (оценочно универсальные), тяготеющие к выражению положительной или отрицательной оценки интенсифицируемого явления, оценочные. Безоценочные интенсификаторы универсальны в оценочном плане и могут также быть универсальны семантически или иметь семантически заданную сочетаемость (напр., *очень, совершенно, весьма, полностью, слишком*). Интенсификаторы, тяготеющие к выражению положительной или отрицательной оценки, сами по себе имеют нейтральное значение, но сочетаются «с названиями сущностей какого-либо одного знака» [14, с. 206], например, *весомый, несказанный, яркий* (положительно-оценочные) и *крайний, непомерный, несусветный* (отрицательно-оценочные). Значения оценочных интенсификаторов уже содержат оценку, которая обычно отражена в дефиниции слова: *катастрофический, невыносимый, мучительный* и т. д. Прилагательное *адский* М. В. Сандакова относит к оценочным интенсификаторам, возникшим в результате метафорического переноса и сохраняющим вместе с оценкой и свою образность: *адская боль, холод; ангельское терпение; божественная красота; дремучий невежда; дьявольская хитрость; чудовищная жестокость* [Там же].

Среди всех сочетаний, представленных в «Словаре русской идиоматики» (24 единицы), наиболее употребительными являются:

адская мука (158 текстов 192 примера), *адское мучение* (64 текста 79 примеров), *адская боль* (58 текстов 63 примера), *адская жара* (41 текст 41 пример), *адская сила* (37 текстов 45 примеров), *адский труд* (41 текст 42 примера), *адская злоба* (24 текста 26 примеров), *адский холод* (25 текстов 25 примеров), *адский шум* (34 текста 39 примеров) [12].

Таким образом, чаще всего прилагательное *адский* как интенсификатор используется в сочетании с существительными, обозначающими мучение или то, что его вызывает (*боль, жара, холод* и т. д.), в данном случае мы можем говорить о наличии связи с адом как с местом, где грешники испытывают вечные мучения.

Сочетание *адская сила* может употребляться в качестве обобщенного наименования потусторонних злых существ (ср. также *нечистая сила, темная сила*):

Какая-то адская сила там господствовала, какие-то враждебные духи, слетевшие на добычу и над ней разыгравшиеся, бешено мчались повсюду, сталкивались, разлетались, прыдали с колонны на колонну, прилипали к люстрам, бегали по кровле, обвившись около статуй, выскакивали в окна и боролись с людьми, которые мелькали черными тенями, пробега по яркому пламени. (В. Г. Авсеенко. 200 лет С.-Петербурга. Исторический очерк (1903)) [10].

Человек, которым помыкает жена, одурманенный ведьмами, с кровоточащей совестью. Он по трупам взбирается на трон и замыкает врата милосердия перед друзьями, их женами и детьми. Его посещают призраки, терзают угрозами адские силы. Зреет заговор, поднимается мятеж, растет всеобщая ненависть. И жить ему в тягость, и растет жалость к самому себе (О. И. Даль. Дневники. Письма. Воспоминания (1972)) [Там же].

Кроме того, *адская сила* может быть темной стороной человека, которая однажды проявляется:

Иногда человек не властен в себе; в него вселяется какая-то адская сила, на сердце падает мрак, а в глазах блещут молнии. (И. А. Гончаров. Обломов (1859)) [Там же].

Вне связи с религиозным контекстом это же сочетание используется как экспрессивное средство обозначения какого-либо разрушительного явления, имеющего, как правило, страшные последствия:

Известно, что ветер врывается в пробоину с такой адской силой, что срывает всю одежду с людей – голые трупы будут качаться на волнах. (Игорь Ефремов. Суд да дело // «Звезда», 2001) [Там же].

Индус находился с другой стороны горы, там, где проявилась вся адская сила атомного взрыва. (И. А. Ефремов. Адское пламя (1948)) [Там же].

Сочетание *адский труд* употребляется тогда, когда необходимо подчеркнуть очень большие усилия, прилагаемые человеком для достижения цели:

Когда мы учились, это был какой-то адский труд, мы скотчем клеили киноленту, голодали, чтобы купить на стипендию бобины пленки. (Вячеслав Суриков, Анна Меликян. Последний киномант // «Эксперт», 2014) [Там же].

В том-то и дело, что дилетанту, который прыгает по науке в поисках удачи, счастливый случай не даст-

ся. Нет, нет, можете даже не думать! А дастся он только тем, кто работает, не щадя себя. Случай – это награда за танталовы муки, адский труд! (В. М. Саннин. Мы – псковские» (2001)) [Там же].

В последнем примере есть также устойчивое сочетание *танталовы муки*, указывающее на связь тяжкого интенсивного труда с мучениями, которые человек при этом испытывает.

Отдельного комментария, на наш взгляд, заслуживает сочетание *адская злоба*, которое чаще используется в текстах XIX вв., чем в текстах XX в. (13 и 7 примеров соответственно), а в текстах XXI в. его практически нет (только 1 пример):

Такая ожесточенная адская злоба врагов его и особенно последнее доказательство этой злобы оледенили сердце Голядкина. (Ф. М. Достоевский. Двойник (1846)) [Там же];

Но если они с адской злобой соединяют и адское бескорытие и ежели при этом свою адскую ограниченность возводят на степень адского убеждения – тогда это уже совершенные исчадия сатаны. (М. Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо (1878-1879)) [Там же].

Сочетание *адская злоба* является своего рода плеоназмом, так как существительное *злоба* обозначает чувство вражды, ненависти по отношению к кому-либо или чему-либо и само по себе указывает на сильную степень проявления негативного отношения. В то же время второй пример явно иллюстрирует религиозное мировоззрение, *адская злоба* здесь – то, что делает человека приверженцем темных сил, дьявола.

Интересно, что в приведенном выше списке из «Словаря русской идиоматики» нет сочетания *адская машина*, хотя в самом корпусе примеры его употребления, безусловно, есть. Так, если воспользоваться функцией поиска коллокатов применительно к подкорпусу текстов XXI в., то мы получим 34 случая употребления этого выражения. В словарном значении это сочетание встречается в 17 примерах, причем в некоторых случаях оно заключается в кавычки:

От «адской машины», заложенной в мусорном бачке на платформе, погибли два человека, более десятка получили ранения различной степени тяжести. (Николай Гритчин. Бог нам не судья. Почему присяжные оправдали чеченского террориста (2001) // «Известия», 24.08.2001) [Там же].

В некоторых примерах это словосочетание используется по отношению к средству передвижения:

Злой демон ГИБДД мог вызвать адскую машину, кошмар каждого автомобилиста – эвакуатор, который увезёт любимую на штрафстоянку, и вернуть её будет, пожалуй, не проще, чем душу из царства Аида. (Герман Садулаев. Таблетка (2008)) [Там же].

Как видим, в данном контексте сочетание приобретает определенный смысл и указывает на связь с царством мертвых. В следующем примере автор обыгрывает название марки автомобиля:

Адэшка – «универсал» Nissan AD, одна из самых дешёвых и деревянных моделей японских автомобилей вообще. Также – адэха, аццкая машина (В. О. Авченко. Правый руль (2009)) [Там же]

Последний случай интересен еще и тем, что здесь трансформируется графический облик прилагательного с целью имитации произношения. Кроме того, адской машиной могут называть в принципе любое техническое средство, которое доставляет неудобства:

Мы с мужем повздыхали, покряхтели: все-таки компьютер – вещь для нас недешевая, но живем в современном мире, понимаем, что это нужно, ну и поднапряглись и купили... Правда, подержанный, но сын был рад ему так, будто это был самый лучший и самый новый компьютер на свете. <...> Ради того, чтобы посмотреть на такую радость, может, и стоило купить эту «адскую машину». Но только ради этого. Потому что вскоре эмоции улеглись, и началась жизнь с компьютером. А это, скажу я вам, оказалось нелегким испытанием. (Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004) [Там же].

Во всех этих примерах прилагательное *адский* используется в значении «доставляющий мучения, мучительный, мучительский», которое есть в исторических словарях, похожее значение есть и в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой: «2. Такой, как в аду; ужасный. // перен. разг. Мучительный, невыносимый» [16].

Кроме того, в нашей выборке оказались примеры, в которых существительное *машина* используется в значении «о какой-л. организации, ведомстве и т. п., действующих, подобно механизму, бесперебойно, точно, ритмично» (государственная, военная, полицейская (о репрессивных государственных структурах)) [8]. Такое употребление в целом характерно для публицистического стиля, сочетание *адская машина* становится здесь ярким образным средством с негативной коннотацией:

Целых 11 лет в этих невыносимых, нечеловеческих условиях, когда ты все время борешься с адской машиной, которая называется антинарод-

ным режимом. (Любовь Журавлева. Нашим народам порознь не выжить (2004) // «Правда», 29.10.2004) [10].

В то же время отрицательная оценка может быть нивелирована в контексте:

Гаснут светильники, плотная голубоватая ткань, укрывавшая сцену от досужих взглядов, разлетается в стороны. Вздрагивает – запускаясь всеми своими бесчисленными механизмами часа на два, на три – а д с к а я м а ш и н а театра! (Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010) [Там же].

В подкорпусе текстов XXI в. мы также обнаружили 17 контекстов, в которых встречается коллокат *адская машинка*, его употребление в целом не отличается от употребления коллоката *адская машина*, однако по понятным причинам не используется в качестве характеристики организации, ведомства и т. д.:

Но человек, что сотворил эту адскую машинку, неплохо разбирался в подрывном деле. (Евгений Сухов. Делу конец – сроку начало (2007)) [Там же].

Игорь и чернявый Дима отправляются топить баню – им надо раскочегарить адскую машинку, которая греет воду, идущую в душ. (Д. Е. Верясова. Муляка // «Волга», 2012) [Там же].

Соединение в одном сочетании прилагательного с негативной коннотацией и существительного с уменьшительным суффиксом – яркий пример включения слова *адский* в нехарактерный для него контекст.

Подводя итоги, следует отметить, что из всех производных от существительного *ад* прилагательных, когда-то употреблявшихся в русском языке, сегодня сохранились *адовый* и *адский*, однако первое ушло на периферию, закрепившись за разговорным стилем, а второе часто используется в современном русском языке (преимущественно в художественных и публицистических текстах). Уже в текстах XVIII века отмечаются изменения в семантике прилагательного *адский*, обусловленные аналогичными процессами в семантике производящего существительного. В результате десакрализации обеих лексем прилагательное *адский* в результате метафорического переноса становится оценочным интенсификатором, сохраняя при этом образность. Согласно данным «Словаря русской идиоматики», в качестве интенсификатора *адский* чаще всего используется в сочетании с существительными, обозначающими мучение или то, что его вызывает. Данный факт свидетельствует о наличии в языковом сознании связи с понятием ада как с

местом, в котором грешники обречены вечно мучиться.

Из представленных в словарях разных эпох терминов, в состав которых входит прилагательное *адский*, сейчас активно употребляется сочетание *адская машина*, однако терминологическое значение этого сочетания, очевидно, следует считать устаревшим (на что указывают и толковые словари). В то же время данное выражение имеет устойчивый характер и может употребляться для обозначения любого средства передвижения, какого-либо технического устройства, а также при характеристике организации, предприятия и т. д., являясь средством выражения негативной оценки.

Таким образом, в современном русском языке прилагательное *адский* выполняет прагматическую функцию интенсификатора, однако можно предположить, что в сознании носителей русского языка оно до сих пор связано с понятием ада в его религиозном значении, а также с общей оценкой пребывания в аду как в мучительной и невыносимой ситуации.

Список источников

1. Сайгин В. В. Концепт «грех» в свете антиномии религиозного и светского содержания ключевых концептов русской культуры // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. Серия: Филологические науки. 2014. №2 (30). С. 1–6.
2. Петрухина Е. В. Процессы десакрализации лексики в русском языке: роль словообразовательных формантов // Русский язык в поликультурном мире. II Международный симпозиум. Сборник научных статей. Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. Т. 1. С. 238–248.
3. Добычина О. А. Сакральная семантика языковых единиц в современном социокультурном контексте: дис. ... канд. филол. наук: Екатеринбург, 2017. 116 с.
4. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. М.: Русский язык, 1999. Т.1. 622 с.
5. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. 842 с.
6. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. Р-Я / Отд. рус. яз. и словесности Император. АН. СПб.: Изд. Отделения Русского языка и Словесности Имп. АН, 1912, 1684 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А-Б) / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. С. Г. Бархударов; сост.: Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, Е. Н. Прокопович [и др.]. М.: Наука, 1975. 371, [1] с.

8. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar> (дата обращения: 20.06.2024).
9. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/> (дата обращения: 20.06.2024).
10. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.06.2024).
11. Косова М. В. Терминологизация как лексико-семантический процесс // Вестник ОГУ. Оренбург. 2004. № 2. С. 42–48.
12. Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 20.06.2024).
13. Сандакова М. В. Динамика класса интенсификаторов в русском языке XXI в.: синтагматическое расширение // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. №7. С. 329–334.
14. Сандакова М. В. Оценочные интенсификаторы в современном русском языке: семантический и прагматический аспект // Проблемы лингвистической прагматики: доклады Международной научной конференции. Калуга, 10–12 сентября 2021 г. / отв. ред. А. Н. Ерёмин. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2021. С. 203–211.
15. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
16. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 20.06.2024).
3. Dobychina, O. A. (2017). *Sakral'naya semantika yazykovykh edinit v sovremennom sotsiokul'turnom kontekste: dis. ... kand. filol. nauk* [Sacred Semantics of Language Units in a Modern Socio-Cultural Context: Ph.D. Thesis]. Yekaterinburg, 116 p. (In Russian)
4. Chernykh, P. Ya. (1999). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. V 2-kh tomakh. T. 1. 622 p. Moscow, "Russkii Yazik". (In Russian)
5. *Staroslavianskii slovar' (po rukopisyam X-XI vekov)* (1999) [Dictionary of Ancient Russian (based on manuscripts of the 10th–11th centuries)]. Red. R. M. Tseitlin, R. Veчерka, E. Blagova. Izd. 2^{oe}. 842 p. Moscow, izd. "Russkii Yazik". (In Russian)
6. Sreznevskii, I. I. (1912). *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym payyatnikam* [Materials for the Dictionary of Ancient Russian Language by the Scriptural Writings. Dictionary of the Russian Language]. T. 3. R-Ya. Otd. rus. yaz. i slovesnosti Imperator. AN. 1684 p. St. Petersburg. (In Russian)
7. *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* (1975) [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vyp. 1 (A-B). AN SSSR, In-t rus. yaz. Gl. red. S. G. Barkhudarov; sost. N. B. Bahilina, G. A. Bogatova, E. N. Prokopovich. 371 [1] p. Moscow, "Nauka". (In Russian)
8. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large Dictionary of the Russian Language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar> (accessed: 20.06.2024). (In Russian)
9. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of XVIII century]. AN SSSR, In-t rus. yaz. Leningrad, "Nauka". URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/> (accessed: 20.06.2024). (In Russian)
10. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 20.06.2024). (In Russian)
11. Kosova, M. V. (2004). *Terminologizatsiya kak leksiko-semanticheskii protsess* [Term Formation as a Lexical-semantic Process]. Vestnik OGU. Orenburg. No. 2, pp. 42–48. (In Russian)
12. Kustova, G. I. *Slovar' russkoi idiomatiki* [Dictionary of Russian Idioms]. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (accessed: 20.06.2024). (In Russian)
13. Sandakova, M. V. (2022). *Dinamika klassa intensifikatorov v russkom yazyke XXI v.: sintagmaticheskoe rasshirenie* [Intensifier Class Dynamics in the Russian Language of the 21st Century: Syntagmatic Extension]. Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii. No. 7, pp. 329–334. (In Russian)
14. Sandakova, M. V. (2021). *Otsenochnye intensifikatory v sovremennom russkom yazyke: semanticheskii i pragmaticheskii aspekt* [Evaluative Intensifiers in the Modern Russian Language: Semantic and Pragmatic Aspects]. Problemy lingvisticheskoi pragmatiki: doklady Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Pp. 203–211. Otv. red. A. N. Eryomin. Kaluga. KGU named after K. E. Tsiolkovsky. (In Russian)

Библиографический список

1. Го Сюэяо. Религиозная лексика в художественных произведениях для детей: деривационный и семантический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Казань, 2023. 24 с.
2. Кузьмина Т. В. Сакральная составляющая в лексических единицах русского языка (с привлечением единиц из болгарского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: М., 2011. 21 с.

References

1. Saigin, V. V. (2014). *Kontsept "grekh" v svete antinomii religioznogo i svetskogo sodержaniya klyuchevykh kontseptov russkoi kul'tury* ["Sin" Concept in the Light of the Antimony of Religious and Secular Meanings of the Russian Culture Key Concepts]. Uchenye zapiski: elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 2 (30), pp. 1–6. (In Russian)
2. Petrukhina, E. V. (2018). *Protsessy desakralizatsii leksiki v russkom yazyke: rol' slovoobrazovatel'nykh formantov* [Processes of Desacralization of Lexicon in the Russian Language: The Role of Derivational Formants]. Russkii yazyk v polikul'turnom mire. II Mezhdunarodnyi simpozium. Vol. 1, pp. 238–248. Simferopol, "Ariol". (In Russian)

15. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings. Evaluation. Occurrence. Fact]. 338 p. Moscow, "Nauka". (In Russian)

16. Efremova, T. F. (2000). *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory-Derivational]. Moscow, izd. "Russkii Yazyk". URL: <https://www.efremova.info/> (accessed: 20.06.2024). (In Russian)

Bibliography

1. Guo Xueyao (2023). *Religioznaya leksika v khudozhestvennykh proizvedeniyah dlya detei:*

derivatsionnyi semanticheskii aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Religious Lexicon in Modern Russian Children's Literature: Derivative and Semantic Aspects: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan, p. 24. (In Russian)

2. Kuzmina, T. V. (2011). *Sakral'naya sostavlyajushchaya v leksicheskikh edinitakh russkogo yazyka (s privilecheniem edinit iz bolgarskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Sacred Element in Lexical Units of the Russian Language (with Bulgarian Language Units): Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, p. 21 (In Russian)

The article was submitted on 26.08.2024

Поступила в редакцию 26.08.2024

Килина Лилия Фаатовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Удмуртский государственный университет,
426034, Россия, Ижевск,
Университетская, 1.
kilin_74@mail.ru

Колосова Елена Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
hkolosova@yandex.ru

Kilina Liliya Faatovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Udmurt State University,
1 Universitetskaya Str.,
Izhevsk, 426034, Russian Federation.
kilin_74@mail.ru

Kolosova Elena Ivanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
hkolosova@yandex.ru